

Бай Миньюй, услышав эти слова, замер: рука, уже готовая забрать обратно носовой платок, зависла в воздухе. В его янтарных глазах на мгновение мелькнуло недоумение, но он промолчал.

Цзян Лоюй и так знал его нрав — скажешь ему десять слов, а в ответ услышишь лишь одно. С некоторой досадой он хлопнул его по тыльной стороне ладони, призывая хоть что-то сказать:

— Неужели Бай Шуан не сможет прямо ответить на мой вопрос?

Белый одеяный человек взглянул на свою ладонь, по которой только что ударили. В его ясном взоре появилась такая же тень безысходности, что и у собеседника, только причины у них были совершенно разными. Он кратко произнес:

— Говори.

— Помнишь, когда мы впервые встретились, и вместе видели госпожу Чжэнь?

Наконец услышав его голос, Цзян Лоюй улыбнулся шире. Одной рукой он крепче сжал носовой платок, другой взял собеседника за запястье и, продолжая идти вперед, заговорил:

— Помнишь, тогда я впервые поклонился бабушке и вышел, а ты ждал меня снаружи, чтобы мы пошли вместе. Но как только госпожа Чжэнь увидела тебя, у неё мгновенно изменилось в лице. Неужели ты совершил какое-то чудовищное преступление, чтобы она так тебя возненавидела?

Бай Миньюй не ожидал, что речь пойдет об этом. Он задумался на мгновение, прежде чем медленно поднять глаза и взглянуть на него:

— Цзян Хуэй.

— О? — Цзян Лоюй, услышав это, тут же загорелся любопытством, повернулся к нему и остановился. — Ты хочешь сказать, что это связано с Цзян Хуэй? Тогда мне еще интереснее. Рассказывай.

При упоминании этого события на лице Бай Миньюя, обычно бесстрастном, промелькнула тень эмоции. Он выглядел так, словно испытывал какое-то очень странное чувство, но голос его звучал по-прежнему спокойно:

— Госпожа Чжэнь решила, что я люблю Цзян Хуэй.

— Что? — Цзян Лоюй был настолько поражен этими словами, что его пальцы дрогнули в рукавах. Он посмотрел на него с сложным выражением в глазах. — Ты... ты любишь Цзян Хуэй?

— Это было несколько лет назад. — Бай Миньюй, видя его удивление, словно ожидал этого, опустил глаза и произнес хриплым голосом. — Цзян Хуэй меня невзлюбила и стала открыто и тайно притеснять мою тетю... Я не мог позволить тете страдать, поэтому подчинялся её приказам. Госпожа Чжэнь увидела это и решила, что я тайно влюблен в Цзян Хуэй, поэтому терплю её капризы, и с тех пор постоянно мне докучала.

Выражение лица Цзян Лоюя мгновенно изменилось. Отстраненность, вызванная предыдущими словами, исчезла из его глаз, когда он сжал запястье белого одеяного человека, осталась лишь легкая тревога:

— Что она заставляла тебя делать?

Бай Миньюй покачал головой, сохраняя то же спокойствие:

— Не стоит говорить об этом.

Чем спокойнее и молчаливее он был, тем больше Цзян Лоюй чувствовал, что не должен был задавать этот вопрос. Он сжал запястье Бай Миньюя сильнее, уже не заботясь о том, не причиняет ли ему боль, и упрямо не отпуская:

— Бай Миньюй, ты...

— Разве ты уже не отомстил за меня? — Бай Миньюй глядел в его черные глаза, словно видел в этом маленьком зрачке отражение призрака, и его голос становился все мягче. — Столько Песка кровавого младенца — ей хватит.

Цзян Лоюй, увидев, что после этих слов на его лице нет и тени напряжения, наконец восстановил обычную улыбку, и в его глазах мелькнула лукавая искорка. Он легонько отпустил его холодное и худое запястье, потом поднял руку, чтобы поправить прядь волос, упавшую на его щеку, и с усмешкой посмотрел на него:

— Разве не сказал, что не стоит говорить об этом? А как насчет того порошка кротона, Бай Шуан? Как ты это объяснишь?

— Это был первый раз. — Бай Миньюй, услышав это, слегка растерялся, словно не понимая, почему он вдруг сменил тему, но все же честно посмотрел на него своими ясными глазами и произнес очень серьезно, слово за словом. — Со мной можно делать всё, но с тобой — нет.

Эти слова словно прикоснулись к самому сердцу Цзян Лоюя, и по всему его телу разлилось тепло, проникая в самые кости. Он даже не заметил порывов северного ветра.

Но вдруг он не захотел, чтобы человек перед ним увидел его выражение в этот момент.

Поэтому он медленно повернулся, глубоко вдохнул и, улыбнувшись, сменил тему. Его длинные пальцы снова поднялись, чтобы поймать падающий с неба белый цветок. Он внимательно рассмотрел его изящную красоту и опустил глаза.

— Миньюй, ты же знаешь, что слова госпожи Чжэнь были неприятными, она просто хотела поссорить нас. Почему ты тогда, когда я не успел тебя удержать, убежал?

Только произнеся этот вопрос, Цзян Лоюй почувствовал за спиной странную тишину. В сердце тут же вспыхнула необъяснимая тревога. Он уже собирался с улыбкой повернуться и естественно сменить тему, но не успел опустить руку, как полностью замер от слов, которые вдруг произнес стоящий позади него человек.

— Я тебя недостоин. — Бай Миньюй стоял за ним, его черные волосы развевались на ветру, закрывая шрам на лице. — Она сказала всё правильно.

Цзян Лоюй невольно сжал пальцы, но не успел заговорить, как порыв ветра со снегом ударил ему в лицо. Его губы похолодели, но уголки рта медленно поднялись. Он резко развернулся и схватил его за руку, в его глазах мелькнул яркий свет:

— Даже если это так, я уже сказал, что не позволю тебе уйти. Если впредь ты снова исчезнешь без предупреждения, и я тебя найду, не жалуйся, что я тебя наказал!

Это означало, что можно только терпеть, но ни в коем случае не сопротивляться?

Бай Миньюй, удивленный его действиями, лишь через мгновение пришел в себя, и на его лице появилась тень безысходности:

— ...Какой ты деспот.

Цзян Люй, услышав его голос рядом с ухом, снова с таким оттенком безысходности, почувствовал, что его слегка напрявшееся сердце успокоилось. Его взгляд снова устремился на снег за галереей, и улыбка на его губах стала чуть более радостной:

— Посмотри, как сильно идет снег. Как красиво.

Бай Миньюй пристально посмотрел на него, а затем вдруг спросил:

— Тебе нравится?

— Ты про снег? — Цзян Люй, впервые услышав, как он сам заговорил, стал еще более радостным, и, не задумываясь, ответил. — Раньше очень нравился, но когда пришла весть о смерти отца и матери, как раз шел весенний снег. Тогда я даже снег возненавидел, и даже любимый зимний фрукт...

На этом его слова резко оборвались.

Его пауза была настолько внезапной, что человек, внимательно наблюдавший за ним, тут же повернулся. Янтарные глаза пристально смотрели на него, и, заметив, что Цзян Люй словно больше не хочет говорить, а улыбка на его губах и в уголках глаз сменилась холодностью, он с недоумением спросил:

— Что случилось?

— Ничего, просто вспомнил кое-что из прошлого. — Цзян Люй на мгновение замолчал, стараясь успокоить свои мысли, которые вдруг вспыхнули при упоминании зимнего фрукта. Его длинные пальцы в рукавах медленно сжались, и, когда он снова улыбнулся, в них появилась непонятная усталость. — Я устал, давай вернемся.

Бай Миньюй, видя, что он повернулся, словно больше не желая обсуждать предыдущую тему, инстинктивно сжал его внезапно похолодевшую руку и тихо ответил:

— Хорошо.

На следующее утро вся Княжеская резиденция была ярко освещена. Все, кто имел хоть каплю родства с Цзян Хуэй, включая Цзян Бин, а также князь Цзян Сюн, который обычно не вмешивался в дела внутренних покоев, надели свои парадные одежды. Госпожа Чжэнь и Равная супруга Му, имеющие титулы, быстро привели себя в порядок, надели соответствующие их рангу одежды и, поклонившись принцессе Лиян, отправились в каретах в сторону дворца.

Цзян Люй, облаченный в парадный костюм наследника с драконьими узорами и будучи мужчиной-шуан, на этот раз не сел в карету, а вместе с Цзян Инем и другими верхом сопровождал кареты. Чжу Юэ, которая обычно следовала за ним, осталась во Дворе Изумрудных Волн, а в карете для слуг и служанок следовала Мян Син, девушка-шуан.

Подъехав к воротам дворца, Цзян Люй заметил, что Цзян Сюн слез с лошади, и, опустив

глаза, почтительно последовал его примеру. Когда к ним подошел встречающий из Дворцового управления, он махнул рукой, чтобы Мянью Син передала приготовленную большую коробку подошедшему молодому евнуху, и тихо улыбнулся:

— Внутри находится мазь, которую просила наложница Хуэй. Пожалуйста, передайте её милости.

<http://bllate.org/book/17692/1651068>